

Он стоял, слегка прикрыв веки. Хотя он был на несколько десятков лет моложе прежнего старого главы Палаты, его холодное и непроницаемое лицо делало его больше похожим на безжалостного духа-убийцу, чем того добродушного и полного старика. Медленно перебирая браслет из турмалиновых бусин, он произнёс: «Его Величество ещё неразумное дитя, а вы, слуги, тоже не ведаете, что творите?»

Его вопрос повис в воздухе. Все на мгновение замолчали, затем сдавленно и нестройно пробормотали: «Не смеем».

«Не смееете? Тогда почему же не удержали Его Величество, позволив ему так безрассудствовать?!» — Хэ Сы по-прежнему говорил тихо, но с укором. Не тратя времени на пустые разговоры, он сразу указал на нескольких человек: «Если не можете защитить своего господина, какой от вас толк? Убирайтесь прочь из дворца».

Указанные им слуги чуть не умерли от страха. С лицами, залитыми слезами, они поползли на коленях вперёд, умоляя о пощаде.

Не успев даже разрыдаться, они встретили ледяной взгляд Хэ Сы. Рыдания тут же застряли у них в горле, а лица позеленели, когда они безвольно рухнули на пол.

Хэ Сы больше не удостоил их внимания. Он холодно обратился к оставшимся, во главе с Лайфу: «Что до вас... вас я оставил лишь потому, что вы давние слуги при Его Величестве. Но неприятные слова сказать всё же придётся, и наказание — тоже. Помните: в Дворце Небесной Чистоты и во всём императорском дворце единственный истинный господин — это Его Величество. Если с ним что-то случится, первыми, кого призовут к ответу, будете вы. Никто не избежит кары. Запомните это хорошенько. Если подобное повторится, я лично покажу вам, какие «фокусы» творятся в застенках Восточной палаты. Уверю, это останется с вами на всю жизнь».

Эти слова успешно вселили в слуг смертельный ужас. Лайфу с лицом, полным скорби, повалился ниц и несколько раз ударился лбом о пол: «Мы больше не посмеём, не посмеём!»

Прочитав наставление, Хэ Сы вернулся к юному императору.

Тот уже крепко спал, и сон его был безмятежен и беззащитен.

Хэ Сы смотрел на его юное лицо и мысленно вздохнул. Ребёнок спал так беззаботно — верный знак простой и доброй души. В простой семье дитя его возраста могло позволить себе быть наивным и капризным, но для императора такая наивность была верной гибелью.

Понаблюдав некоторое время и убедившись, что с юным императором всё в порядке, Хэ Сы тихо удалился.

Изначально он пришёл сюда, чтобы ненавязчиво порекомендовать императору нескольких наставников в боевых искусствах. Умение сражаться — полезный навык, особенно для императора: оно могло значительно повысить его шансы выжить во время дворцовых переворотов или покушений.

Если бы Хэ Сы сам не был полным профаном в воинских искусствах, он и сам бы с радостью обучился, как его приёмный отец. Лучше всего было бы овладеть чем-нибудь вроде «Хлопковой ладони, плавающей кости», чтобы одним ударом обращать в прах любых мятежников, покушающихся на его жизнь.

Но сейчас он мог лишь об этом мечтать.

Покинув Дворец Небесной Чистоты, Хэ Сы направился не в Дворцовый секретариат, а прямиком в Управление императорской гвардии во Внешнем городе.

Перед визитом он специально велел принести портрет матери юного императора.

Едва взглянув на изображение, он швырнул его прочь.

Вот же мелкий негодяй! Да чем он, спрашивается, хоть капельку похож на эту благородную госпожу Хуэйпин с её широким лицом, мощной спиной и видом, будто она запросто уплетёт за раз десять котлов риса?!

Как уже упоминалось ранее, Императорская гвардия была привилегированным войском. Прежде чем стать разведывательным ведомством, её структура была невероятно сложной, включая семь управлений: телохранителей, знаменосцев, носителей балдахин, секироносцев и прочих. В прежние годы только одних силачей насчитывалось более семнадцати тысяч человек, так что разместить всё это в скромном здании какого-нибудь управления Трёх палат и Шести министерств было бы немыслимо.

Как и Восточная палата, истинная штаб-квартира Императорской гвардии располагалась во Внешнем городе, напротив резиденции Восточной палаты, создавая впечатление противостояния и соперничества.

Позже, однако, когда влияние Восточной палаты возросло, его приёмный отец, желая продемонстрировать пренебрежение к Императорской гвардии, специально велел отстроить здание Восточной палаты на один чжан выше.

И всё же, когда Хэ Сы прибыл в Управление, его буквально окатила волной грубой, мужественной энергии.

Молодые и крепкие стражники и офицеры Императорской гвардии, сверкая голыми торсами, азартно перетягивали канат.

Неизвестно, был ли тот парень слишком худым на общем фоне, или же у Хэ Сы просто оказался острый глаз, но он мгновенно выделил в толпе одно залитое потом, но оттого не менее привлекательное лицо.

□□□□□□□□□□□□□□□□

Хэ Сы подъехал на небольшой повозке. Та бесшумно остановилась в тени деревьев. Полог из зелёной холстины был наполовину подвёрнут, открывая лишь пару заинтересованных глаз, наблюдавших за тем, как молодые парни меряются силой.

Что ж, совсем другое дело.

Хотя в Восточной палате, вопреки слухам, и не сплошь одни евнухи, несколько ключевых фигур действительно были придворными «китами», а их работа — тёмной и скрытной, что уж точно не ассоциировалось с мужественностью и доблестью.

Взять хотя бы Чжао Цзинчжуна — того самого прямого как жердь мужлана. После долгих лет службы у его приёмного отца он и то научился хныкать, словно девчонка!

Хэ Сы искренне сокрушался об этом падении духа и размышлял, не найти ли для Чжао Цзинчжуна какое-нибудь опасное и кровожадное задание, чтобы закалить характер и отучить от демонстраций богатырского кокетства.

На маленьком учебном поле перетягивание каната между стражами достигло пика накала. Крики болельщиков гремели так, будто это было не состязание, а самая настоящая битва, отчего в ушах у Хэ Сы стоял звон.

Он не сводил глаз с последнего участника в правой команде и мысленно фыркнул. И этот тощий остов, в котором навряд ли наберётся сто цзиней весу, посмел выставить себя напоказ? Не боится, что кости разойдутся по швам?

В перетягивании каната первый и последний участники — самые важные. Идущий впереди должен быть настоящим богатырём: широкоплечим, могучим, способным удержать тысячу цзиней тяжести, именно он задаёт тон всей команде.

А замыкающий должен быть подобен утёсу, вросшему в землю, намертво закрепляя усилие команды и не сдвигаясь ни на йоту.

Хэ Сы смотрел на Лу Чжэнмина — тощего и жилистого — и уголок его рта дёрнулся. Как, интересно, этого ущербца вообще выбрали на роль замыкающего? Смирились с поражением заранее?

Состязание достигло момента, когда всё решает последнее усилие, и вот-вот должен был определиться победитель.

Вожак команды напротив Лу Чжэнмина с рёвом рванул канат, напрягши свои булавоподобные руки.

Люди Лу Чжэнмина, застигнутые врасплох, невольно сделали несколько шагов вперёд. Казалось, ещё мгновение — и их перетянут через черту!

Но в тот же миг вожак их команды тоже издал боевой клич. С лицом, багровым от натуги, он изо всех сил потянул канат назад.

В это же мгновение Хэ Сы заметил, что Лу Чжэнмин, стоящий в хвосте, не дрогнул ни на волос. Его ноги, словно трёхчьевые железные колья, намертво вросли в землю.

Пот струился с его переносицы и век, скатывался по шее на обнажённую грудь, поплёскивая на солнце, будто тело было покрыто лаком, — и ничто не выдавало прежней худобы.

Хэ Сы слегка опешил. Всего несколько дней назад этот парень выглядел как голодный дух, а теперь будто переродился. Неужели после повышения до сотника паёк улучшили, и он поправился?

Его размышления прервал победный рёв одной из команд, ещё более оглушительный, чем боевые кличи.

Лу Чжэнмин разжал ладони, облегчённо выдохнул и плюхнулся на землю, но не успел как следует усесться, как несколько молодцов подхватили его и подбросили в воздух.

Хэ Сы не смог сдержать смеха, но, рассмеявшись, вдруг застыл.

С чего это он радуется?

Впрочем, если подумать, раз победил его «приёмный сын», то почему бы и не порадоваться.

Чжао Цзинчжун, стоя снаружи, слышал, как его начальник то смеётся, то замолкает, то снова тихо посмеивается, и внутренне недоумевал.

Неужто «Пилюля защиты сердца» уже не действует? Может, стоит попросить у придворного лекаря снадобье от перепадов настроения? Должность наместника Восточной палаты — тяжёлое бремя. Чжао Цзинчжун, подобно заботливой няньке, вздохнул, размышляя о том, как его прежний начальник к концу карьеры полностью облысел, и гадая, когда же та же участь постигнет нового господина.

Может, стоит попросить и снадобье для роста волос?

Если бы Хэ Сы узнал, что Чжао Цзинчжун переживает о его густых, чёрных как эбеновое дерево, волосах, он бы, несомненно, отбил у него эту дурь одним шлепком.

Но сейчас ему было не до того. Нашлись зоркие стражи, что уже заметили его маленькую повозку, подглядывающую из-за деревьев.

Хэ Сы ещё не успел сойти на землю, а эффект от его появления уже был достигнут — мгновенная, гробовая тишина.

...

Юэ Чжун в тот день «случайно» тоже оказался в Управлении. Даже если бы это не было случайностью, явление наместника Восточной палаты, который нагло подкатил на повозке напрямик в их логово, ясно указывало на недобрые намерения. И Юэ Чжун волей-неволей должен был сделать вид, что это совпадение.

<http://bllate.org/book/16284/1467090>